

сание «третьей империи» выявляет ее вовсе не христианскую ценностную подоплеку, хотя главной целью этой империи объявляется создание всех возможных общественных условий для спасения души каждого гражданина и отсрочки пришествия в мир антихриста. Однако все христианские ценности в Империи — это ценности уникальной идентичности, ценности отличия, осознаваемые в их противопоставлении врагу, другому, чужому, ибо именно он позволяет носителю этих ценностей осознать и проявить их в ходе конфликтного взаимодействия. Сами по себе эти ценности в утопическом российском обществе без поддержки врагов и «Большого брата» почему-то не устанавливаются, а на остальной мир и вовсе не распространяются. Не потому ли вроде бы христианское «Царство Правды» М. Юрьева обречено общаться с внешним миром по законам первобытного племени, где все чужие — люди неполноценные?

В итоге реакционная утопия «третьей империи» предлагает преодолеть нынешнюю ситуацию морального коллапса путем возврата в отдаленное прошлое. Но это прошлое при более пристальном рассмотрении мало обнадеживает, являя образцы еще более ограниченной морали, чем та, которую мы можем наблюдать в актуальном состоянии морального коллапса. Утопия «третьей империи» невольно превращается в антиутопию, лишней раз подтверждая, что дискурсы самоисключения России из «враждебного мира», какими бы благими намерениями они ни были инициированы — видимо, тупиковая ветвь общественной дискуссии о будущем для России.

3. «Проект Россия»: дискурс Великого инквизитора

«Есть три силы, единственные три силы на земле,
могущие навеки победить и пленить совесть
этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья,
— эти силы: чудо, тайна и авторитет.
Ты отверг и то, и другое,
и третье и сам подал пример тому..
Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде,
тайне и авторитете».
Великий инквизитор

В настоящее время одной из заметных интеллектуальных тенденций стал выход ряда книг анонимных авторов с общим названием «Проект Россия», претендующих на формирование альтернативного властного

дискурса. Уже вышло три книги «Проекта Россия»¹ и две «Воинов креатива»². «Воины» тоже промаркированы «проектом». Основной вопрос такой: чего на самом деле хотят авторы того и другого? Ведь если сопоставлять бегло, то разница между «проектом» и «креативом» бросается в глаза. «Проект» в своих первых двух книгах ориентирован преимущественно на Россию, «креатив» — на весь мир. «Проект» только тем и занимается, что борется с самой идеей демократии (отброшенная попытка выставить в качестве альтернативы монархическую идею — не в счет), то есть работает на ниве определения идеологических приоритетов. Позитив «проекта» — нечто традиционно-православное, хотя еще не определенное полностью. «Креатив» в основном описывает методики внедрения неких абсолютно любых ценностей с помощью пиара (иначе — креатива); о идеологических симпатиях и антипатиях его авторов можно только более или менее уверенно догадываться. В финале второй книги маячит призрак 1968 г., символ какой-то неясной глобальной ценностной революции. Традиционализмом и не пахнет, хотя религиозная символика присутствует уже в названии («Воины креатива: Праведный меч»).

Уж не работают ли авторы на самом деле в разных проектах?

Однако есть и сходство, но оно на другом уровне. «Проект Россия» и «Воины креатива» представляют людей как «массу», которая пойдет за ядром единомышленников или же за «Героем» (так, кстати, зовут одного «воина креатива» (вокра) из первой книги «Воинов»). С точки зрения «Проекта», люди неравноценны: прежде всего нужны сильные, влиятельные и богатые. Другие тоже присоединятся, но потом. Сейчас же ждать некогда. Книги «креатива» на этом фоне выглядят как плод разочарования. Не пошли за «проектом» сильные и богатые, так призовем творческих. Пообещаем им сетевой способ координации (то есть свободу, а как же без нее привлечь творческих людей?), романтику воинской борьбы в рыцарском духе за пока еще неопределенный, но светлый идеал. Посулим им власть над «пиплом», отечественным и зарубежным, который они будут своими волшебными манипуляциями увлекать в самых разных направлениях.

В общем, при совместном прочтении «Проекта Россия» и «Воинов креатива» возникают весьма противоречивые впечатления. Поэтому имеет смысл анализировать их по отдельности и вначале представить себе, что такое «проект» без «креатива» и «креатив» без «проекта».

¹ См.: Проект Россия. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: Эксмо, 2009.

² См.: Воины креатива. Главная книга 2008–2012. М.: Эксмо, 2008; Воины креатива. Праведный Меч. М.: Эксмо, 2008.

Проект без креатива

Для чего вообще был начат «Проект Россия» или, иными словами, зачем это надо было его авторам? При анализе «Проекта Россия» в его нынешнем незавершенном виде следует учитывать один крайне принципиальный момент. Проект написан людьми религиозными, православными христианами и рассчитан в первую очередь на верующих. Главным в нем является именно религиозное содержание, о чем неоднократно говорится в обеих книгах. Поэтому не случайна кажущаяся архаической структура первого тома: в ней особый раздел посвящен природе человека. Кто сейчас так пишет? Никто, поскольку вопрос о человеческой природе для авторов современных политических произведений кажется решенным по умолчанию. «По умолчанию», то есть подразумевается «человек экономический», продукт рынка, атеизма и демократии. В проекте же подразумевается человек как существо, которое достигает высшей свободы в служении Богу.

Как можно понять, современный мир в целом авторам не нравится. Они хотят новой цивилизации, нового мироустройства¹. Поэтому прежде чем предлагать нечто конкретное в сфере экономики или политики, они отводят много места объяснению: почему же мир им не нравится. А не нравится он потому, что очень далеко ушел от религиозности и традиций. Демократия, рынок, падение нравов — все это только следствия. В таком мире человек не может исполнять свое главное назначение — спасать душу. Поэтому своей главной целью авторы считают подготовить идейную почву для такого общественного устройства, при котором человек прежде всего мог бы выполнить эту миссию:

«Вот вам и ответ на вопрос, зачем нам нужно спасать Россию. Чтобы иметь надежду на спасение души. Защищая своего ближнего (свой народ), мы выполняем вторую заповедь Христа. Нами движет не надежда попасть в число придворной элиты. У нас более высокие цели. Может, Господь простит нам грехи наши... Если народ обижают лукавым способом, а корни этого лукавства в системе, нужно менять систему. Наша цель — построение Православного царства, рождается из стремления спасти душу»².

Согласно замыслу «Проекта Россия», в далекой перспективе, касающейся всего мира, смутно маячит развод народов по религиозным квартирам с «традиционной властью». Если сложить все намеки относительно политического режима, уготованного России, равно как

¹ См.: Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 289.

² Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 326.

и желательного мироустройства, получается нечто вроде «третьей империи» М. Юрьева с сословиями, опричниной, разделом мира между сверхдержавами, изоляционизмом:

«Мы видим форму государственного правления как самодержавие по типу СССР, где самодержцем выступала партийная элита. В нашей модели тоже правит элита, но принцип формирования правящей элиты другой. В третьей книге мы покажем, как действует этот механизм. В нем есть что-то от принципа формирования церковной элиты, что-то от воинской, и ничего от коммерческой. В нашей модели ворота во власть для податного сословия закрыты.

Вопрос, какое сословие оптимально подходит на роль властного, не имеет четкого ответа. Есть общие контуры, что это не должны быть люди, высшей целью которых являются деньги. Для остальных сословий это вопрос открытый»¹.

И сразу же возникает практический вопрос: откуда в условиях капитализма появятся верующие в Бога властные элиты, независимые от конкретного политического устройства и экономического режима? Куда испарится классовое господство, накопление капитала, эксплуатация и экономические интересы? Авторы утверждают, что в условиях демократии людьми манипулируют, чему они приводят немало примеров. Но что дальше? Отказывая гражданам в способности противостоять манипуляциям со стороны элит, отрицая политическую субъектность широких масс, авторы предлагают в итоге лишь еще более изощренные методы манипуляций. И почему читатель должен верить, что новые манипуляции будут осуществляться во благо народа? Потому, что элита «правильная», а ее манипуляции оправданы? Но кто уполномочил эту элиту манипулировать кроме нее самой? И в чем нравственное отличие авторов «Проекта» от врагов России? Если для тех и других народ лишь расходный материал истории, а истинно политическими интересами и правильным видением истории может обладать лишь элита? Оказывается, что на уровне ценностей и морали противоположности как раз и не возникает, отличия сводятся лишь к степени изощренности владения масс-медийными технологиями контроля масс. В результате политика и общественные дела действительно перестают быть народными, превращаясь в привилегированное дело элит.

«Проекту» бессмысленно предъявлять претензии по поводу проработанности экономических, политических и прочих аспектов их программы, нежелания погружаться в частные вопросы. Он просто «не о том». Самая важная сфера — идеология, остальное вторично. А иде-

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 151.

ология здесь, как можно понять по предварительным наброскам, это православный неотрадиционализм. «Чтобы исправить ситуацию, требуется восстановить ребра жесткости, коими являются религия и традиция»¹. Это позволит избавиться от Рынка, Демократии, Атеизма и Похотей. Избавиться ради чего? Чтобы восстановить общества, построенные по типу пирамиды: из элиты воинов и жрецов наверху и «третьего сословия» внизу. Поэтому и другим, так называемым «старым традиционным странам» вроде Франции или Германии, они тоже предлагают нечто похожее — религиозно-традиционное. И если они построят по предлагаемым наброскам некий политический режим, то его главной целью будут вовсе не успехи в экономике, не ликвидация социального неравенства и все такое прочее, а создание условий, при которых каждый человек мог бы жить по-христиански. Формально не имеет значения — из элиты он или нет, ведь перед Богом все равны. При этом вопрос об элите и массе очень подробно разработан. В «Проекте Россия» народ — это дети, нуждающиеся в опеке. Иначе они становятся жертвами обмана «взрослых». Себя авторы из скромности тоже не считают достаточно взрослыми². Однако полагают, что у них все же более масштабное мышление, чем у тех, кому в 1990-х раздавали общенародное добро. В целом же они претендуют на звание более полноценной элиты, чем нынешняя. Их идеал элиты таков:

«Силой, задающей тон обществу, является элита, ориентиры которой находятся за границами видимого мира»³.

Соответственно, оптимальной стратегией интеллектуалов, которым адресован «Проект», волей-неволей становится присоединение к усилиям этой таинственной элиты ориентирам, которые «находятся за границами видимого мира». Но к такой элите присоединиться трудно, особенно учитывая, что принять ее ключевые тезисы без наличия веры невозможно. Потому что для рационального осмысления открыта только негативная часть этих тезисов, где разоблачаются Демократия, Рынок, Атеизм и Похоти. Неужели авторы всерьез рассчитывали, что интеллектуалы могут присоединиться к фрагментарным рассуждениям о предпочтительности монархии первого тома «Проекта», которые авторы сами же дезавуируют во втором томе. Но тогда зачем писали? Чтобы себя же опровергать, с легкостью мыслей необычайной?

Поскольку авторы не собираются опираться на вечно «неисторический» народ, который никогда не готов к восприятию настоящей истины, то легитимность их «проекта» способен обеспечить только

¹ Там же. С. 139.

² Проект Россия. С. 11.

³ Там же. С. 62.

Бог, но не земные люди. Но если народ — дети, не понимающие своего истинного блага, то как им будет управлять даже самая лучшая элита? Уж не с помощью ли все той же манипуляции сознанием, как это делают ненавистные демократы («демонократы») и либералы? Ведь детьми обычно так и управляют, пока они не повзрослеют. Однако проблема манипуляции как спекуляции на массовом незнании сути общегосударственных вопросов решается элегантно:

«Человек не вмещает большое знание, но вмещает знание абсолютное. Мы не знаем, как это объяснить. Не находим ничего лучшего, как снова указать на “парадокс Фомы”. Ученый муж назвал все свои труды соломой, заявив, что любая бабка, имея *веру* в бессмертие души, знает больше, чем написано во всех его книгах. Бабкины знания имеют объем, не уместяющийся в словесные формы и трехмерную логику.

Абсолютное знание есть *Вера*. Этот тип знания нельзя усомнить. Любое рациональное знание, составленное опытным и логическим путем, можно усомнить, а веру нельзя. Вера, Любовь, Честь не подчиняются рациональным законам»¹.

И пожалуй, с этим можно согласиться, даже если перевести сказанное на секулярный язык. Любую социальную революцию сопровождает революция моральная. Массы часто не могут усвоить тонкости доктрины, но могут прекрасно понять, какая мораль из конкретной идеологии следует. Усвоить дух учения. И в этом отношении их не обманешь. Тогда революционный матрос может объяснить профессору, пусть и на примитивном уровне, но верно, ради чего делается революция. Это создает определенные ограничения для манипуляторов. Другое дело, что искусный манипулятор может успешно поддерживать иллюзию, что его действия как раз соответствуют Вере, Духу Революции и т.д. Особенно когда сам революционный порыв уже угас. Видимо, авторы проекта предполагают каким-то образом бесконечно поддерживать в новой православно-традиционной цивилизации не революционный, конечно, но высокий религиозный энтузиазм масс.

Таким образом, авторы и присоединившиеся к ним люди спасут свою душу. Вот это в проекте самое возвышенное и самое пугающее. *Они свою душу будут спасать и, в случае чего, никого не пожалеют и не спросят, хотят ли таким же образом спастись и другие:*

«Не бойтесь ошибаться, действуя. Бойтесь ошибиться бездействием. Во время борьбы с ересью альбигойцев католики осадили последний оплот еретиков. В крепости оказались не только еретики, но и добрые католики. Рыцарь спросил аббата Мило, сопровождавшего вой-

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 272.

ско против мятежного города, как им во время штурма отличить еретиков от католиков. Легат папы Иннокентия III ответил: *“Бейте всех, Бог различит своих от чужих”*¹.

Во второй книге проекта авторы как-то забывают, что в первой ужасно торопились, призывая под свои анонимные знамена «ресурсных людей», элиту, под тем предлогом, что времени осталось очень мало. Теперь они говорят, что реализация проекта рассчитана на долгую перспективу — может быть, на 200 лет. Видимо, за это время с человечеством должно что-то произойти, и оно окончательно отринет не оправдавшие себя в истории Рынок, Демократию и Атеизм с Пороками. Судя по проекту, это будет нечто катастрофическое: «Бесстрастные расчеты свидетельствуют: к 2015, максимум, 2020 г., множество крупных проблем сойдутся в одной точке. Возникнет критическая масса, которая будет себя умножать за счет своего объема. Это будет что-то вроде «черной дыры», которая всосет в себя Россию... Когда представляешь гигантскую волну, катящуюся по миру, сметая страны и континенты, кажется, ничто не может ей противостоять»².

Понятно, что в условиях катастрофы неотрадиционалистский теократический «Проект» может оказаться привлекательным. Как ни парадоксально, у элитистов-теократов-традиционалистов тут обнаруживается явное сходство с мировосприятием революционеров-утопистов: только катастрофа может привести к воплощению желанной цели.

Но что будет, если катастрофы к 2020 г. не произойдет? Неужели без этого ключевого условия проект, рассчитанный на перспективу в 200–300 лет, оказывается нежизнеспособным? Настолько ли он тогда закономерен, необходим и безусловен, чтобы не зависеть от колебаний общественных настроений и внешней среды? Вопросы трудные, но авторы ловко спасаются от них в третьей книге резким уходом в религиозную проблематику.

К третьей книге они уже окончательно забывают, что вообще-то хотели предложить России некую новую модель государственного, политического, идеологического и религиозного обустройства, которую они даже в общих чертах уже продумали ко времени написания второй книги. Модель эта по-прежнему остается тайной. Вместо нее авторы вновь многословно обличают Демократию, Атеизм, Пороки, Либерализм, Общество потребления и прочие плоды Модерна. Кроме того, большая часть книги посвящена вопросам религиозной онтологии, доказательству того, что Христос действительно реальное лицо и на самом деле воскрес после смерти. Авторы, по-видимому, счита-

¹ Там же. С. 331.

² Там же. С. 336–337.

ют, что чем тщательнее они обоснуют эту и без того очевидную для всякого верующего истину, тем убедительнее покажутся и прочие их доводы. Немалое место уделено и истории христианства. Наконец, они в очередной раз предсказывают всему человечеству катастрофическое будущее, которое наступит по мере того, как некий «мировой игрок» перемелет мир в пудру, построит из полученного материала новое царство, во главе которого будет стоять антихрист. Все это завершается Страшным судом и Вторым пришествием¹. В скором времени, пишут они, «обрушение мировой системы приведет к цепной реакции. Самые страшные ужасы прошлых тысячелетий на фоне недалекого будущего покажутся детским лепетом»².

Понятно, что в такой эсхатологической перспективе авторам уже не до создания политического проекта конкретно для России, да и вообще не до политики. Ведь человеческими силами невозможно не допустить возникновения царства Антихриста. Поэтому теперь авторы планируют создать «ковчег», в котором могли бы спастись выдавленные из мировой системы люди. Это будет «центр стабильности, имеющий фундаментом христианское мировоззрение»³. Причем ковчег этот не будет ни народом, ни государством (даже в виде могучей империи за железным занавесом⁴ — прощай, «третья империя» М. Юрьева!), ни партией, ни общиной, поскольку все они не могут защитить от «поражающего фактора нового мира». Авторы предпочитают характеризовать ковчег как идейную группировку, добровольное объединение единомышленников, «монастырь для своих». При наличии христианского религиозного фундамента группировка все же «не является религиозной организацией, путь в нее открыт всем: и верующим, и светским людям»⁵. Таких ковчегов вообще-то может быть много, главное, чтобы составляли их люди, действующие по заповедям Христа. В среде этих новых ковчегов со временем будет воспитана новая элита (как же без нее), из которой выделятся «творческие личности с религиозным подсознанием»⁶. Эти личности перевоспитают своей деятельностью остальных и тем самым преобразуют потребительское общество в религиозное.

Иными словами, к моменту написания третьей книги «Проект Россия» из религиозно-политического превратился в культурно-религи-

¹ См.: Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. С. 340.

² Там же. С. 403.

³ Там же. С. 404.

⁴ Там же. С. 405.

⁵ Там же. С. 431.

⁶ Там же. С. 443.

озный с неясной политической перспективой. Проповедь альтернативного мироустройства, а также обещания предложить какую-то новую модель конкретно для России были отодвинуты в пользу проекта перевоспитания потребительского общества в религиозное. Ставка на таинственную новую элиту при этом осталась прежней.

Проект в глазах других

Вопросы, которые возникают в связи с собственно «Проектом», касаются и того, как он выглядит для других, необязательно для врагов. Да хотя бы и для христиан.

Пока не сформулировано четкое представление о социальном идеале авторов «Проекта», отвлеченные рассуждения о том, что сейчас мы живем неправильной, оторванной от традиционных корней, нехристианской жизнью, имеют не слишком большую ценность.

Ведь если «Проект» читает верующий человек, то для него разоблачение атеизма не актуально. Актуально получить ответ на вопрос: каковы пути перехода общества к христианской жизни, каким должно быть это, выражаясь словами Кальвина, «установление христианства»? Да и вообще, возможен ли в действительности такой режим, который наиболее полно мог бы соответствовать христианским ценностям?

В «Проекте» четкого ответа на эти вопросы нет, зато есть перечень того, от чего (уже ставшего таким привычным) верующему человеку следует отказаться. Это, конечно, идеи демократии, гуманизма и либерализма. Отказаться же от них придется в пользу религии, сословности и элитизма, которые, по мнению авторов, с давних пор лежали в основе «правильных» обществ-пирамид. Аналог такого общества авторы хотят установить в будущем.

Атеист, конечно, к такой постановке вопроса отнесется с иронической улыбкой. Но и у верующего она вызовет ряд вопросов.

Верующий в Бога имеет веские основания полагать, что элитизм и сословность плохо сочетаются с духом христианства. Тут даже дело не в том, что когда-то Господь Бог управлял Израилем через священнослужителей, а отказ от такого правления в пользу царской власти с сословиями и прочими прелестями общества-пирамиды воспринял как отвержение Бога народом Израиля. Дело в другом: *это общество-пирамида, как отлично понимают и сами авторы «Проекта», показало свою несостоятельность именно с точки зрения соответствия своего устройства именно христианским ценностям.*

Сами же авторы пишут, что в природе таких обществ заложено рано или поздно оказаться перед выбором: либо отказаться от религии

и стать экономически развитыми, сильными и побеждать в войнах, либо не отказаться и проиграть¹. И тем не менее для авторов «Проекта» такое общество является гораздо более достойным подражания, чем нынешние. Поэтому имеет смысл несколько подробнее высказаться об этом лукавом мифе о традиционном и религиозном обществе-пирамиде, якобы более высоком в моральном и прочих планах. На самом-то деле предлагаемое традиционное общество с его королями, рыцарями, монахами и крестьянами — это слегка завуалированное господство сильных с центральным культом силы. В нем рыцарская «честь» только для «своих». Простолюдины — лишь подданные и человеческий материал.

Неправда, что падение традиционного общества-пирамиды началось с сомнения в существовании Бога, с гуманизма. Оно началось с протеста против перерождения церкви, давно начавшей жить по принципам сильных и богатых. Разумеется, часть сильных и богатых этим протестом воспользовалась. Взять ту же Английскую революцию. Но разве английские революционеры, «железнобокие», были атеистами? Они были крайне религиозными. Религиозными до такой степени, что Кромвель говорил: «Люди чести должны быть побеждены людьми религии». Вот у кого была тогда вера и на чьей стороне оказалась «честь». Вольтерианство и либертарианство — изобретения вовсе не демократов, а верхушки общества-пирамиды — аристократов.

Потом выяснилось, что религия снова становится аргументом в интригах сильных мира сего с присущей им «честью»; тогда и усомнились в Боге. Лучше уж без религии совсем, чем так. А заодно и без аристократии. Авторы «Проекта» могут говорить сколько угодно, что «традиционная власть управляет народом принуждением и убеждением», а демократическая власть — «через манипуляцию сознанием и соблазнение»². Но падение религии и традиционной власти началось с того, что привычные их обоснования стали восприниматься как ложь, оправдывающая господство сильных над слабыми. Что бы ни говорилось о демократии, она повысила самооценку «маленького человека». А ведь, сошлемся опять на авторов «Проекта»: «центральное требование души — самооценка»³.

Иными словами — это еще большой вопрос, какой тип обществ создает условия для большего извращения христианских ценностей.

¹ См.: Проект Россия. С. 121.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 34.

Проект с креативом

В кратком изложении сюжет «Воинов» выглядят следующим образом. В глобальной экономике ключевой ценностью становятся бренды, идеи, смыслы, способствующие рыночному продвижению реальных товаров, то есть креатив, а ведущей отраслью — рынок РИТМА (Реклама, Изображение-Текст, Мелодия-Мода-Маркетинг)¹. Патриотически настроенные российские креативщики, заручившись поддержкой Кремля (встречами в Кремле начинаются и заканчиваются обе книги «Воинов»), смогли завоевать мировой рынок креатива, используя уникальные технологии «творческого озарения», попутно развалив монополию западных «Пяти Королей», контролировавших эту отрасль. Вскоре выясняется, что креатив является не только бизнесом, приносящим доход, но — что гораздо важнее — способом идеологического и политического влияния, тотальной переделки России и мира. Однако креатив используется вокрами (сокращение от «воинов креатива») для реализации довольно банальных идей — возрождения духа социального коллективизма и оптимизма, рекламы России как мировой здравницы, пропаганды ценностей верности, семьи и любви, продвижения экологического образа жизни и иных разделяемых всеми идеологическими лагерями вечных ценностей, которые сами по себе «не тянут» на программу связанных социально-политических преобразований: «Разрушить систему ложных ценностей можно было только изнутри и только стоя у руля, на вершине пирамиды. Спасением мира занялся таинственный русский Болельщик, создавший для этого армию Воинов Креатива. Завоевав мировой рынок РИТМа, Вокры собирались когда-нибудь окончательно убедить развращенный мир в том, что БОГ есть»². Вот так, ни больше, ни меньше!

Но при обращении к конкретике вся пафосная риторика превращается в обычные манипуляции, призванные отвратить современников от ложных ценностей общества потребления и приобщить к мистическим идеалам праведности, которые кроме как верой в Бога ничем иным в «Воинах» не описываются и не постигаются. В итоге вера в Бога и тайные молитвы позволяют вокрам стократно превзойти потенциал атеистических креативщиков внешнего мира, соответственно, Россия обретает потенциал влияния, несоизмеримый с ее реальным экономическим влиянием. Главным учреждением страны становится Главсмысл, генерирующий идеологические основы нового

¹ Воины креатива. Главная книга 2008–2012. С. 15.

² Там же. С. 246.

общества. Правда, это общество авторами никак не описывается, кроме проведения исторических параллелей с событиями 1968 г., которые они считают переворотом эпохи, коренным образом поменявшим мировоззрение цивилизации¹. Более чем странно, что авторы как апологеты возрождения христианства и истиной веры в качестве исторических аналогий апеллируют ко временам сексуальной революции, хиппи, увлечения восточными религиозными культами и побед разнообразных меньшинств. Если уж требовался яркий символ, могли бы обратиться к той же Реформации.

Изначально вокры предстают как универсальные пропагандисты и рекламщики, которые готовы работать на любого заказчика по всему миру. И то, что команда русских вокров под руководством главного анонимного вокра, выступающего под псевдонимом Болельщик, вдруг начинает бесплатно работать только в интересах России, внятно ничем не мотивируется, разве что внезапным приступом патриотизма или приобщением к Богу. Похоже, более весомой и реалистичной причиной могло стать то, что Кремль как заказчик выразил готовность платить за их идеологические проекты. Безусловно, фантазия о бескорыстии вокров выглядит весьма контрастно на фоне реальных безработных российских политтехнологов, в массовом порядке ставших ненужными вследствие схлопывания пространства публичной политики и конкурентных выборов.

Авторы «Воинов» особо выделяют задачу улучшения мирового имиджа России. Разрабатываются конспирологические комбинации по переизбранию лояльных к нынешней России европейских и американских политических лидеров. Настойчиво аргументируется мысль, что все невзгоды России проистекают извне и обусловлены кознями внешних врагов. Но стоит заменить их на лояльных друзей, чем-то обязанных России, как страна расцветет. Впрочем, иных версий от «Воинов креатива», где ни разу и ни в чем не упрекнули статускво и властную элиту, ожидать и не приходится. Основные враги — это мировая закулиса, а российская оппозиция — ее коллективный агент.

Как и в «Проекте», в «Воинах» главную роль в мировой истории играют элиты, на которые работают тоже причисляющие себя к элитам вокры (воины креатива) — рекламщики, политтехнологи. Элиты манипулируют массами, народами, населением, большинством, как стадом овец, которое никогда не способно мыслить масштабно, выходить за пределы обыденности. Поэтому массы всегда будут вестись на грамотные лозунги, даже не понимая их конечных целей.

¹ См.: Воины креатива. Праведный меч. С. 286–287.

Во второй книге — «Воины креатива. Праведный меч» — вдруг выясняется (поразительное открытие!), что мировая экономика и политика подчинены интересам узкой касты сверхбогачей. Каста глубоко законспирирована, а крупнейшие предприятия и целые отрасли экономики, президенты, спецслужбы и парламенты ведущих стран — не более чем пешки, подчиненные элементы одной большой игры, конечной цели которой они не знают. А цель на удивление банальна — обеспечение личного бессмертия мирового правительства.

Какова же в таком контексте новая цель воров во главе с неуловимым гением креатива, скрывающимся под псевдонимом Болельщик? В духе Прометейя она столь же хрестоматийна — отнять монополию на бессмертие у земных богов и отдать ее человечеству. Человечество в мировой мифологии уже много чего наотнимало у богов: технологии, знание, господство над природой и животным миром. Осталось только одно — вечность и бессмертие, причем гарантированные не в загробной жизни, а в земной.

Даже если отвлечься от «Воинов», есть очень много людей, для которых религиозные приоритеты проекта таковыми не являются. Для них в любом случае все разговоры про религию — пиар или пустой звук. Но и не принимая в расчет их мнение, «Воины креатива», вышедшие в свет под маркером «Проекта Россия», их безбрежная вера в пиар, их отношение к религии и культуре как к брэнду и т.д., мягко говоря, заставляют усомниться в самом «Проекте». После «Воинов» появляются весомые основания не принимать всерьез его религиозную составляющую. Или интерпретировать ее лишь как средство удовлетворения честолюбия авторов, желающих банального личного возвышения, реванша. На этом фоне вся религиозная риторика «Проекта» с Пятым царством и Катехоном, которым является Россия, вдруг приобретает весьма эгоистичное и циничное звучание.

Что умиляет в насквозь элитистском «Проекте», так это заключение первого тома: «Мы выстоим, потому что нас нет. Потому что “музыка и слова” — народные»¹. Пardon, но народ ведь это дети, которые не умеют анализировать, выбирать, вообще не сознают своих настоящих интересов. И какую же музыку со словами он может написать?

А вот такую. Тоскливая музыка мифа о минувшем золотом веке обшесть-пирамид есть, но слова неразборчивы, как весь проект. Потому что слова — это уже некая позитивная и рациональная идеология. А она разрушает миф и обязывает тех, кто правит, отвечать перед народом.

¹ Проект Россия. С. 317.

Еще одно противоречие в том, что авторы и «Воинов», и «Проекта» позиционируют себя как истинных патриотов, но при этом действуют анонимно. По их словам, «свобода возможна лишь при одном условии — абсолютной анонимности политического действия»¹. Но любая честная политика предполагает публичность, анонимное политическое действие это такой же оксюморон, как живой труп или сухая вода. Или речь идет уже не о политике, а о конспирологии? В пользу данной версии говорит и то, что, согласно авторам, враги тоже анонимны: «Сегодня врага не видно. Он везде, но конкретно его нет нигде»². Что же это за враги такие, которые то ли есть, то ли их нет, — «а был ли мальчик»? Не являются ли враги, которых нельзя назвать и как-то обозначить, лишь игрой воображения? Там ли их ищут авторы «Проекта»? Российская история неоднократно проходила периоды охоты на политических ведьм и агентов внешних врагов. Стоит ли возрождать подобные алгоритмы политического мышления?

Зачем авторам «Воинов» потребовалось выдумывать мифическое мировое закулисье, глобальных злодеев, намекать на заговоры, если не для отвода внимания от вполне конкретных виновников реальных общественных несправедливостей, творящихся здесь и сейчас? Вопрос опять-таки риторический.

Если герои «Воинов» так же анонимны, как и воображаемые враги, кто поручится, что это не одни и те же люди? Если у авторов «Проекта» нет мужества снять маску и закончить игру в графа Монте-Кристо, то это означает, что они не готовы взять ответственность за все ими сказанное в «Проекте». Однако в политике без публичности и открытости никто еще не заслуживал чьего-либо доверия. К спецслужбам, конспирологии и всякому закулисью народ всегда относится плохо.

Поэтому показательно, что и в «Проекте», и в «Воинах» идеология так и не сложилась. Это можно интерпретировать по-разному. Можно сказать: потому что современным человеком с помощью идеологии управлять уже не получается. Прошли времена, когда большие начальники и интеллектуалы совместно управляли обществом, опираясь на идеологию. М. Кантор замечает, что современный глобальный капитализм «Империи» уничтожает в своей идеологии классы, нации и т.д. Но когда «множество людей переймет у империи принципы децентрализованного существования», тогда и сопротивление «империи» станет децентрализованным. «Тем самым массовые регуляции — современное искусство, финансовые кредиты, идеология демократии — перестанут работать. Метод оболванивания толпы не действует на отдельного че-

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 4.

² Там же.

ловека, сила гуманистической культуры такова, что достаточно одного голоса, одного внятного «нет», чтобы обесценить всю тотальную пропаганду»¹. Но возможно, теми, кем нельзя управлять с помощью пропаганды, получится управлять с помощью «креатива».

Можно сказать и по-другому: авторы и «Проекта Россия», и «Воинов креатива» на самом деле *боятся* идеологии. Идеология, конечно, «ложное сознание», но у нее есть свои крайне неудобные для них особенности. В своей наиболее привлекательной ипостаси она все же рациональна, требует аргументации, даже апелляции к науке. В своем менее приятном облике она может оказаться неудобно ригидной. Индоктринированные люди, фанатики, рыцари одной идеи на «креатив» плохо клюют. Поэтому ну ее, идеологию. Сегодня потратишь немалые силы, чтобы люди ее усвоили, а завтра эти же самые люди будут задавать тебе неприятные вопросы на тему «верности партии». Лучше уж пробавляться «креативом» и неопределенной «верой», которая есть «абсолютное знание»: оно быстрее и дешевле. «Креативщикам» вообще хотелось бы, чтобы их методы были столь же неотвратимыми и эффективными, как природные явления — ну, скажем, как вирусы. (Они свою книгу в аннотации так и назвали: книга-вирус.) А где у природы разум или фанатизм?

*Без проекта и без креатива,
или Кризис целей*

В «Воинах» все оказывается просто. Экономика, религия, политика ничего не значат. Главное — вера в чудо, которая почему-то в книгах «Воинов» часто именуется верой в Бога. Создается впечатление, что достаточно нескольких рекламных трюков и вся предшествующая история отменяется, а общественное мнение будет разделять как свои те ценности, которые ему навяжет хорошо оплачиваемая секта вокров. Стоит внушить миру, что Россия — это модно и современно, и в стране сам собой начнется подъем ВВП. Остается только не уточненным, как все-таки произойдет модернизация, какие кадры и на какой технологической базе ее будут осуществлять, куда исчезнут противники этого, каким образом российские товары станут конкурентоспособными на мировом рынке. Такими мелочами авторы креативных войн себя не утруждают. Видимо, все случится само собой: общество станет справедливым, преступность самоликвидируется, экономика станет инновационной, культура — передовой. Несколько манипуляций и фокусов (следите за руками) и общество преобразится. Нечто сред-

¹ Кантор М. Медленные челюсти демократии. М.: АСТ, Астрель, 2008. С. 280.

нее между маниловщиной и игрой в наперстки. Проблема в том, что жизнь отличается от рекламных роликов. Кино кончается, а жизнь продолжается, и все возвращается на круги своя.

Возвратимся к исходному вопросу о намерениях авторов. Возникает впечатление, что они толком не знают, чего хотят: может, светлого гуманистического будущего для всего человечества, а может, и православно-традиционного общества. Но им при любом раскладе хочется быть наверху. Для этого надо сначала разрушить очень широко понимаемую идею демократии, устранить идеологии, а потом управлять людьми с помощью креатива. Это и есть «Проект» в сочетании с «Воинами».

И вот что любопытно. Неужели авторы как «проекта», так и «креатива» сами не понимают, почему люди за ними идти не торопятся? Они уже апеллировали к сильным и богатым, звали творческих. Многие ли пришли? Богатые и творческие не пойдут к тем, кто открыто делит людей на лучших и худших. Они будут подозревать, что самые богатые, сильные и творческие уже угнездились на доминирующей позиции. И анонимно там сидят, зазывая простаков: да ничего, у нас же нет иерархии, одна только сеть. Но ведь в центре всякой сети сидит паук... Никто и не придет, потому что мы уже жили и до сих пор живем на звероферме, где одни звери равнее других. Но раньше идеологи были либо искреннее и имели совесть, либо были умнее и скрывали свои элитистские замашки. Эти даже не скрывают.

Авторы делают акцент на возможности формирования принципиально новых элит, которые верят в Бога, предвидят будущее и вообще мыслят стратегически, будучи способными выходить даже за пределы собственной земной жизни. Но где взять такие элиты? Уж не из рядов ли тех, кто отвечает теперь за разные аспекты общественной жизни, по поводу которых у населения за постсоветский период накопилось немало вопросов, начиная с проблем ЖКХ и детских садов и заканчивая особенностями национального законодательства и формулирования внешнеполитических позиций России? Эти накопившиеся вопросы вполне конкретны, как и люди, несущие ответственность за их разрешение. Но у авторов «Проекта» конкретных вопросов к ныне властвующим элитам как раз нет. Но зачем тогда какой-то «проект», если после его прочтения складывается понимание, что авторы фактически поддерживают статус-кво?

Более того, авторы «Проекта» не понимают, что на основе элитизма никакая действительно овладевающая массами идеология не строится. Элитистский подход и сама концепция идеологии или «изма» диаметрально противоположны. Либо одно, либо другое. Либо идти на риск и отвечать перед народом за свои действия с точки зрения ка-

кого-то учения, либо сознательно отказаться от такого учения, заменив его смутным мифом и упованием на какую-то неясную трансценденцию, о которой только и можно сказать (как и написано в проекте) — «какая тут логика?».

*Смутные цели «Проекта»,
или «Ловцы неокрепших душ»*

В «Проекте» много сил уделено всеобщей критике, но не предложено позитивных альтернатив, что серьезно снижает ценность подобной критики. А что дальше, спросит вдумчивый читатель? Что будет после критики, поскольку ограничение «Проекта» только критикой это путь из ниоткуда в никуда. В «Проекте» был дан анализ ряда политических режимов, и все они были отброшены в силу присущих им пороков. Огромное внимание было уделено критике демократии, понимаемой в очень широком смысле. Разоблачили также атеизм, рынок, массовую культуру. Покритиковали народ и «неправильную элиту», которые суть дети и простолюдины по духу, не умеющие видеть дальше собственного носа. Высказали пожелание обрести лучшую, чем нынешняя, элиту, чтобы она обладала целостным пониманием ситуации в стране и в мире, а также была ориентирована на нечто выходящее за пределы земной жизни. Сформулировали представление о «правильном» обществе-пирамиде, управляемом такой элитой. Очень, очень много места посвятили анализу природы власти, элиты, массы, избранности и т.д. Однако так и не сформулировали четко, чего же авторы хотят сами, не создали нового «изма». Сказали только, что сформулируют это в третьем томе, а пока могут сказать лишь, что хотят Православного царства, так называемого «Пятого царства» из пророчества Даниила, которое, по их словам, и есть Россия. Это царство «наполнит всю землю, сокрушит царства», где нашел себе приют нечистый дух, «а само будет стоять вечно»¹.

Избегая артикулирования собственной осмысленной позиции в идеологическом и социальном пространстве российской современности, авторы избирают иную тактику — быть рупором здравого смысла, претендовать на нечто неангажированное, всеобщее, не связанное с земными социальными интересами и классами. Но это недостижимая позиция Бога, оборачивающаяся практикой популиста, который легко мимикрирует, не неся ответственности за прежде сказанное, но всегда готов прагматично перестроиться в зависимости от меняющихся обстоятельств.

¹ Проект Россия. С. 437.

Чтобы уклониться от оценки положения дел в реальном российском обществе, акцент переносится на мир в целом. Авторы предпочитают умолчать об обостряющемся неравенстве, классовых противоречиях социальных групп, экономическом, поколенческом и географическом расслоении страны. Современное российское общество их полностью не устраивает и, на их взгляд, оно может быть излечено лишь тотальным обращением людей к Богу и неотрадиционалистской утопией. Поскольку последнее граничит с христианским фундаментализмом и вызывает массу вопросов относительно *реалистических* возможностей перехода к такому обществу, закономерно, что авторы приберегают разговор о механизме реализации своей утопии для третьего тома «проекта», который то ли выйдет, то ли нет.

Пока же паллиативный ответ формулируется в полухудожественной форме «Воинами», где осуществляется грубая подмена целей средствами — всемогущим креативом, рекламными технологиями, которые превращаются в панацею от всех бед, гасящую любое народное недовольство. В результате авторы не дотягивают ни до уровня политиков, ни до уровня идеологов. Они отрицают все традиционные идеологии, ставят себя выше их и декларируют, что любые идеологии, ценности и политические режимы суть не более чем конструкционный материал для сверхлюдей, опирающихся на некие сверхценности — на волю к воле (эвфемизм воли к власти), самоценность творчества и т.п. В общем, на силу, будь то сила креатива или просто сила, которая права, только потому что сильнее. Или в силу того, что ее творцы верят в Бога, а потому, как ни парадоксально, «право имеют». За каждым предложением «Проекта», которое само по себе может быть справедливым и правильным, не возникает сверхидеи.

В «Воинах» отсутствует позитивный идеал, а вместо него приводятся многочисленные примеры, как манипулировать народами с помощью пиара. Там управляют народами теми же средствами, что и демократы — «манипуляцией и соблазнением». Ну а как еще управлять детьми? Теми же демократическими методами, только уже с благими намерениями. Недаром в «Проекте» много говорится о том, что в глазах Бога ценны именно намерения, и даже приводится поговорка: «Бог намерения целует». (Поэтому В. Сендеров не прав, называя «Проект» «очередным тоталитарным проектом»¹. Ну какие же авторы проекта тоталитаристы? По методам — самые настоящие демократы.)

Вокры не имеют ясно сформулированных целей, кроме «возвращения к Богу». Подразумевается, однако, что эти цели известны та-

¹ Сендеров В. «Проект Россия» против русского европеизма // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 24.

инственным лидерам «вокров». Для прочих достаточно творческого участия в разных креативных проектах, ибо им само творчество доставляет радость и дает смысл жизни. У «вокров» есть и определенный моральный кодекс; его надо соблюдать, а также верить в правоту лидеров, подчинение которым совершенно добровольно. А лидеры всегда правы, ибо они имеют выход в «высшие сферы» и знают мистическую подоплеку борьбы «вокров» со злыми силами. Именно Бог в итоге решает исход войны между «вокрами» во главе с Болельщиком и силами Зла. Иными словами, и тут мы имеем дело со ставкой на чудо. Но если отбросить эту довольно неуклюжую религиозную подоплеку, то чудо здесь заключается не в мистическом «праведном мече», а в возникновении великого СМЫСЛА из того, из чего он в принципе возникнуть не может — из «креатива». Потому что «креатив», даже если его обозвать творчеством, сам по себе великих смыслов не порождает, он ими только руководствуется. Но авторы «Воинов» надеются все же, что такие смыслы появятся, как только они, подобно Наполеону, ввяжутся в сражение.

В итоге получается такая картина: «Проект» написали люди, которые намеренно не формулируют своих конечных целей и скрывают свои имена именно потому, что хотят просто быть наверху, в составе элиты. Если же сформулировать какую-то идеологию, да еще отказаться от анонимности, то ведь придется отвечать перед народом, который они к тому же ценят весьма невысоко. Потому-то они хотели бы отвечать не перед народом, который «здесь и теперь», а перед Богом, который «там» и существование которого не для всех очевидно. Этакая тайная жреческая элита, которая в перспективе видит себя во главе глобальной империи — Пятого царства. Причем не исключено, что все их православие является не более чем «креативным» ходом, вроде, скажем, предлагаемого в «Воинах креатива» повышения популярности России на Западе путем пропаганды крутизны русской матерщины.

*Утопическая перспектива для России:
от недокапитализма к неотрадиционализму*

Представленный в «Проекте» замысел априори не может быть реализован в нынешнем российском обществе. Капиталистическое общество, основанное на экономикоцентризме, вполне земное, оно не нуждается в легитимации через предшествующие традиции и Бога. Возврат к подобной архаике означает отказ от Модерна и возврат к традиционному феодальному обществу, где верующих в божественную сакральность властно-политического порядка было большинство. Однако люди в развитых странах давно превратились в граждан, образующих гражд-

данское общество, наделяющее легитимностью соответствующие структуры государства без апелляции к Богу. Глас народа, нации, граждан давно заменяет глас Божий. Это может многим не нравиться, но, вероятно, мудрее не впутывать Бога в сугубо политические дела. Мы имеем массу примеров в прошлом, да и теперь, как привлечение Бога в политику лишь оборачивает в религиозную форму социальные противоречия, вовсе их не разрешая. Осмысление социальных противоречий в виде различных трактовок Божьих замыслов, порождала невероятное ожесточение «классовых битв», в которых врагов и инакомыслящих представляли как еретиков, а враждебная политическая позиция непосредственно угрожала спасению души.

Авторы идут против известного принципа «богу богово, а кесарю кесарево», фактически желают установления новой теократии. Социально-политическое устройство давно считается делом людей, градом земным. В условиях светского общества, наличия рационального индивида и общественного договора люди сами способны договориться об условиях совместного существования.

Авторов «Проекта» не устраивают ни либерализм, ни капитализм, ни коммунизм, ни выборы, ни демократия, но является ли адекватным ответом на такое недовольство обращение к иррациональному божественному провидению, помноженному на современные технологии управления? Ведь у них фактически открыто декларируется, что элиты ничего не должны обществу, и ничем не связаны, кроме Бога и вечности, поскольку общество никогда не дорастет до должного уровня понимания политики. Не элиты для общества, а общество для элит, не государства для граждан, а граждане для государства. Отсюда возрождение на страницах «Проекта» разговоров о неодворянстве, или обыкновенном барстве, о казалось бы давно преодоленном делении общества на касты. Собственно, если уж идти по этому пути, то надо идти до конца. Например, М. Юрьев прямо формулирует в данном ключе российскую утопию как фактический возврат к трем сословиям — духовенству, воинам и податному сословию. Но тогда логично будет кардинально изменить все институты и смыслы современного общества, сформировавшегося в результате революции «третьего сословия», иначе новый сословный проект не заработает. Это предполагает торможение социальной мобильности, закрытость элит, комплексную неотрадиционализацию российского общества в угоду господству действующих элит, поскольку последние являются единственными субъектами, заинтересованными в подобной направленности социально-политических и экономических процессов, когда равенство людей перед Богом позволяет отменить их равенство перед законом.

«В настоящее время подобная политика, вдохновляемая сословными представлениями, уже активно реализуется на практике. Происходит элитизация образования путем фактического закрытия с помощью финансовых барьеров доступа в престижные учебные заведения. Попасть на работу в ведущие компании, в государственный аппарат можно в основном по закрытым каналам отбора кадров, в которых главным критерием является принадлежность соискателя к привилегированным общественным слоям. В итоге закладываются механизмы самовоспроизводства элиты. В каком-то смысле эта практика, идущая вразрез с официальными модернизационными программами, в которых говорится о необходимости поддержания высокой социальной динамики, требует публичного обоснования. Идея возвращения к сословно-феодальной структуре общества в значительной мере отвечает этим целям. ...Матрица архаичных социальных практик, корни которых восходят к феодальным отношениям, довольно глубоко укоренилась в современных российских общественных реалиях, приобретая при этом системный характер. По-видимому, рудименты феодальной архаики в общественных отношениях в России будут не только сохраняться, но и укрепляться, если правящим в стране по сути транзитным элитам удастся защитить себя от необходимости подтверждать высокий статус и право на лидерство в условиях публичной конкуренции. Любое серьезное продвижение России в сторону создания открытого и конкурентного общества приведет к быстрому разрушению социальной архаики»¹.

Но само обращение политической мысли к традиции и архаике лишь симптом неработоспособности актуального политического порядка. Предлагаемый в «Проекте» рецепт архаизации выглядит откровенной ретроутопией. И авторов «Проекта» не спасают обильные цитаты из Евангелия, интерпретируемые ими в антиэгалитарном ключе. Особенно четко данная тенденция прослеживается в «Воинах», где место веры в Бога занимают манипуляции общественным мнением и декларируется, что Россия, вместо того чтобы дать образец праведной жизни для остального мира, просто возьмет реванш и превзойдет всех противников своей мощью. В результате Бог оказывается просто у сильных, даже если это творческая сила креатива, а сама вера в Бога превращается в подтверждение избранности и собственного превосходства. Начав с деклараций о вере, авторы постепенно подменяют Бога соблазном силы, могущества, власти, избранности, принадлежности к вечной и несменяемой элите, прикрытым тонкой пленкой па-

¹ Рябов А. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Московский фонд Карнеги. Серия «Рабочие материалы». 2008. № 4. С. 13–14.

триотической риторики. Присоединение к сильным мира сего — соблазн, встающий перед интеллектуалами в любой сфере — религии, политики, экономики, науки, искусства. Но стоит ли поддаваться такому искушению?

Православные элиты, вокры или интеллектуалы сами по себе никогда и ничего в истории существенно не меняли без опоры на множество граждан. Максимум их влияния заключался в замедлении или ускорении объективных исторических, демографических, технологических процессов и трендов, действующих в долговременной перспективе. Все реальные преобразования в российской и мировой истории свершались, когда многие миллионы людей принимали осознанные решения, что жить как раньше они больше не могут. И эти решения обращались в активные политические действия, когда на историческую арену выходили народные массы, менявшие утративших всякое доверие и моральный авторитет элиты и социальное устройство в целом.

Поскольку в «Проекте» на данный момент не формулируется внятной позитивной программы социально-экономических действий, его цель видится скорее в другом — в недопущении альтернатив. Либо путем мягкой дискредитации либеральных ценностей, демократии и открытого общества, когда «крепость Россия» как Катехон должна закрыться и жить по собственным, отличным от остального мира законам. Либо путем конспирологической констатации мировой закулисы, стремящейся развалить Россию или отодвинуть ее на периферию мировых исторических, экономических или политических процессов. И здесь возникает единственный спасительный алгоритм — сплочение вокруг правильной элиты, партии и вождя, невзирая на неустрашимость и умножение социально-экономических дисбалансов и неполадок.

К чему в итоге сводится «Проект Россия»? Он предполагает свертывание неконтролируемой активности обычных граждан, насаждение в «старых традиционных обществах» незыблемых теократий, а затем и «остановку истории». Поэтому он, даже и без «Воинов креатива», «для иудеев — соблазн, для эллинов — безумие». «Для иудеев — соблазн» потому, что попытка установления теократической утопии предприятие весьма сомнительное как с религиозной, так и с моральной точек зрения. Почему «для эллинов — безумие», пояснять излишне. После же появления «Воинов» и вовсе перестаешь понимать, где заканчиваются безумие с соблазном и начинается обыкновенный цинизм уверенных в своем всемогуществе политтехнологов.

Конечно, авторы «Проекта Россия» или «Воинов креатива» в нашем сравнении результатов их труда с «соблазном для иудеев» и «безу-

мием для эллинов» могут усмотреть для себя нечто чрезвычайно лестное. Ведь именно так апостол Павел назвал благую весть от Христа — Евангелие.

Посему уточним. Хотя разобранные нами книги почти совпадают по числу с каноническими Евангелиями, они не кажутся нам «благой вестью». Если уж на то пошло, это скорее весть от очередного Великого инквизитора, который, как известно, тоже считал народы стадами, состоящими из детей: «О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке...»¹

Что-то не хочется такого счастья.

¹ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. В 2 т. М.: ТОО «Можайск-Терра», 1995. Т. 1. С. 508.